DOI: 10.31857/S032103910005045-2

B. BOHEN. Kratos & Krater: Reconstructing an Athenian Protohistory. Oxford: Archaeopress, 2017. XVI, 250 p.

Монография, о которой здесь пойдет речь, производит крайне неоднозначное впечатление. Барбара Боэн — весьма опытный классический археолог из США, ее первые изданные статьи относятся еще к 1970-м годам. Тогда же она начала принимать участие в работах афинского отделения Германского археологического института на Керамике. Это сотрудничество растянулось на десятилетия; в частности, Боэн полностью подготовила один из томов продолжающегося издания *Kerameikos*, посвященный пиксидам геометрического стиля из данного квартала Афин¹.

Говоря во вводных разделах рецензируемой книги об истории ее создания, автор неоднократно подчеркивает (с. X, XIII, 1), что первоначальным замыслом было издание о кратерах тома такого же характера, как и о пиксидах, т.е. публикация памятников с их хронологическим и типологическим анализом, работа сугубо специальная. Однако затем планы изменились, поскольку «изучение кратера поставило так много вопросов социально-политического контекста применительно как к бронзовому, так и к железному веку, что объем публикации расширился до ее нынешних размеров» (с. X). Дело, впрочем, даже не в объеме (монография, в сущности, не так уж и велика), а в том, что исследование превратилось из чисто археологического в историческое. Эволюция подхода Б. Боэн выразилась, в частности, и в том, что по ходу создания труда его название менялось с «Кратер» на «Кратер и kratos» и, наконец, на «Kratos и кратер» (с. 1). Перед нами, разумеется, сознательная попытка игры слов и смыслов, хотя в действительности кратήρ (от κεράινυμι, ‘смешивать’²) не имеет никакого этимологического родства с κράτος, ‘власть’, налицо чисто случайное созвучие. Тем не менее здесь мы имеем дело с заявкой на то, чтобы трактовать кратер как феномен, имеющий отношение к политической власти.

Соответственно, исследовательницу данные артефакты интересуют в качестве атрибутов не столько симпозия³, сколько заупокойной обрядности. Крупные монументальные кратеры, как известно, не помещались в ранних Афинах в могилы как часть погребального инвентаря, а ставились сверху, играя роль надгробий. В результате они подвергались воздействию стихий, что препятствовало их хорошей сохранности, и, как отмечает Боэн, с кратерами ей было работать значительно труднее, нежели с пиксидами, ввиду гораздо большей фрагментированности имеющегося материала (с. XIII).

Но при чем же здесь все-таки власть? Автор книги решительно придерживается мнения, согласно которому кратер на могиле — безусловный признак захоронения лица весьма высокого политического статуса, представителя правящей элиты (потому-то он и является властным символом). В наибольшей же степени надгробные кратеры соотносятся с царями (вернее, с пожизненными архонтами, что является более точным определением для XI–VIII вв. до н.э.).

Боэн, в частности, апеллирует и к нашей статье о раннем афинском архонтате (к сожалению, доступной ей только в кратком англоязычном варианте, опубликованном

¹ Bohén 1988.

² Странно, что Б. Боэн сомневается в этой деривации (с. 17), которая является совершенно неоспоримой.

³ Об этой функции кратеров см., например, Lissarrague 1990 (и другие работы Ф. Лиссаррага); Langner 2014.

в итальянском электронном журнале⁴; с полным вариантом, увидевшим свет на страницах ВДИ⁵ и содержащим гораздо более детальную аргументацию основных тезисов, исследовательнице не удалось ознакомиться ввиду незнания русского). Уместно объяснить, чем именно импонирует американской исследовательнице наша работа, посвященная архонтату. Автор этих строк является едва ли не единственным в нынешнем мировом антиковедении сторонником признания наличия исторического ядра в известном свидетельстве эллинистического историка Кастора Родосского (Castor. *FGrHist.* 250 F4, ap. Euseb. *Chron.* I. 189–191 Schoene), содержащем перечень афинских пожизненных архонтов (15 имен от Меланфа до Алкмеона, 1126–753 гг. до н.э.) и следовавших за ними десятилетних архонтов (семь имен от Харопа до Эриксия, 753–683 гг. до н.э.)⁶.

Как правило, считается, что этот список – чистая фикция, измышленная аттическими аристократами ближе к концу архаической эпохи и, соответственно, имеющая практически нулевую источниковую ценность⁷. Нам с этим всегда было трудно согласиться: кому и для чего потребовалось бы придумывать длинный ряд имен (между прочим, многие из них находят прямые соответствия в позднейшей ономастике знатных семей Афин), да еще и сопровождать этих выдуманных персонажей точными сроками продолжительности правления? Помимо иных соображений, мы указали на следующую корреляцию⁸: по данным Кастора, в середине VIII в. до н.э. имеет место переход от института пожизненного царя-архонта к сменяемым высшим магистратам, ограниченным определенным сроком, что означает начало становления системы полисных магистратур, а И. Моррис⁹, руководствуясь совершенно иными, чисто археологическими аргументами, весьма убедительно датировал начало формирования афинского полиса тем же самым временем – серединой VIII в. до н.э. Б. Боэн с энтузиазмом отнеслась к нашим идеям и, более того, пошла по этому пути весьма далеко – так далеко, как мы идти отнюдь не намерены. Но об этом ниже.

Рецензируемая монография содержит, после краткого предисловия, шесть глав. Первая глава «Kratos и кратер – введение и резюме» (с. 1–12), как явствует из ее заголовка, одновременно носит вводный характер и содержит в сжатом виде все основные положения книги. Одно из них таково: «Кратер предоставляет, вероятно, лучшую иллюстрацию перемещения микенской элитной практики и символики в Афины в переходные годы между двумя эпохами», т.е. бронзовым и железным веками (с. 1).

В главе поднимаются, в частности, следующие вопросы: кратер и власть в Афинах раннего железного века¹⁰, установление в городе правления иммигрантской (происходившей из Пилюса) династии, которую автор называет «Меланфо-Кодридами» (этот термин искусственный; и в литературе, и в источниках данная династия обозначается то как «Кодриды», то как «Медонтиды», от Медонта, сына Кодра, хотя ее основателем, согласно легендам, был отец Кодра Меланф), и проблема афинского синойклизма, который Боэн относит к самому концу XI в. до н.э. Порядки, установленные при новой династии, она предлагает считать ни более ни менее как «первой афинской конституцией», получившей окончательное оформление при Акасте, сына Медонта, и повлекшей переход к «конституционной монархии» (с. 5), причем будто бы с элементами даже представительного правления (с. 7). В сущности, она утверждает, что уже для времени Акаста (традиционные даты его правления, согласно

⁴ Surikov 2006.

⁵ Surikov 2012, 29–54.

⁶ В 683 г. до н.э. был учрежден годичный эпонимный архонат: Cadoux 1948, 70–123; Sherk 1990, 269–270; Develin 2003, 27 (первый годичный архонт – Креонт).

⁷ Характерный образчик максимально гиперкритического отношения к списку см. Drews 1983, 86–88.

⁸ Развив ее импликации далее в Surikov 2013, 23–43.

⁹ Morris 1987, *passim*.

¹⁰ Боэн везде пишет просто «железный век». Более того, она, вступая в дискуссию о том, как лучше называть исторический период между крушением ахейской цивилизации и эпохой архаики (в литературе конкурируют выражения «темные века», «гомеровский период», «геометрический период» и др., см. к дискуссии Coulson 1990, 7–9), решительно высказывается за обозначение его просто как «железный век»: дескать, археологи поймут (с. 11–12). Нам это представляется не лучшим вариантом. Во-первых, не следует забывать, что речь вести нужно все-таки о раннем железном веке (ср. Dickinson 2007, 10; Morgan 2009, 43), а просто «железный век» – уж очень широкая и расплывчатая формулировка. Во-вторых, ранний железный век на рубеже II–I тыс. до н.э. имел место во всем Восточном Средиземноморье (и части Западного), таким образом, это, строго говоря, не период собственно древнегреческой истории.

списку архонтов, 1049–1013 гг. до н.э.) можно говорить об Афинах как о полисе (с. 7–8). Но со столь ранней датировкой начала полисного строя в Аттике ныне вряд ли кто согласится.

Вторая глава «Прецеденты бронзового века» (с. 13–32) имеет своим предметом обзор случаев ритуального использования кратеров в Греции II тыс. до н.э. Кратко остановившись на релевантных реалиях раннеэллиадского и среднеэллиадского периодов, Бозн уделяет основное внимание материалу позднеэллиадского, или дворцового, периода. Давая характеристику монархического устройства тогдашних государств, исследовательница замечает, что уже в те времена «роль кратера стала интегральной частью социально-политической повестки дня правителя... Кратер играл значительную роль в Пилосе» (с. 16–17). При этом мало надежных свидетельств использования данного типа сосуда в микенскую эпоху именно для смешивания вина с водой; соответственно, для автора главная функция кратера – не симпозиальная, а сакральная, он использовался при жертвоприношениях (возлияниях), и прежде всего в погребальных обрядах у высокостатусных слоев населения.

Далее затрагиваются проблемы упадка «последдворцовой эры» (совпадающей хронологически с концом позднеэллиадского периода) с привлечением внимания к ключевому для этого времени феномену – изменению типа власти, который обычно определяют «от анакта к базилею»¹¹. Ритуальное же использование кратеров не прекратилось, оговаривает Бозн, но уменьшилось – в силу общего обеднения элиты.

Хотя рецензируемая монография в целом посвящена Афинам, в ее второй главе афинских данных мало. Это обусловлено тем, что, по мнению автора, обычай употреблять кратеры на похоронах являлся не исконным в Аттике и был занесен туда знатными иммигрантами из Пилоса – Меланфидами (т.е. Кодридами-Медонтидами) и Алкмеонидами (с. 32). Исходя из этой предпосылки, исследовательница переходит к третьей главе, «Kratos в переходную эру» (с. 33–48), хронологические рамки которой – конец XII и первая половина XI в. до н.э.

Именно в этой главе Бозн наиболее интенсивно аргументирует тезис, в котором видит главное достижение своей работы. По ее мнению, ей удалось на главном афинском кладбище на Керамике¹² идентифицировать наиболее «элитный» в древнейшую эпоху сектор (таким она считает так называемый участок XX), служивший местом погребения как раз тех самых пожизненных царей-архонтов. Более того, она убеждена, что может установить, какому именно архонту какое захоронение принадлежит! А поскольку датировки всех пожизненных архонтов с точностью до года приводятся в списке Кастора, то, по мнению Бозн, в нашем распоряжении теперь имеется великолепная по своей детальности хронологическая база.

Подобный ход мысли представляется нам чрезмерно смелым. Хотя касторовский список, судя по всему, возник не на пустом месте и должен отражать какую-то историческую реальность, мы все же далеки от мысли, что все даты для всех правителей из этого списка безусловно верны. И уж совсем сомнительной кажется жесткая привязка конкретных лиц к конкретным погребениям. Подозреваем, что вряд ли кто-либо из компетентных специалистов здесь солидаризуется с Барбарой Бозн¹³.

Но именно такую привязку она и осуществляет на всем протяжении следующей, четвертой главы «Kratos в железном веке» (с. 49–101, хронологические рамки – от середины XI до рубежа VIII–VII вв. до н.э.), ничтоже сумняшеся заявляя, что, скажем, такое-то захоронение принадлежит архонту Форбанту, такое-то – архонту Мегаклу, а такое-то – архонту Алкмеону... И, исходя из цифр Кастора, соответственным образом автор датирует все эти захоронения и их инвентарь (а прежде всего ее интересуют, как понятно, кратеры и фрагменты кратеров), для чего ей подчас приходится даже подвергать ревизии традиционную,

¹¹ Ряд интересных исследований о различных аспектах этого процесса помещен в относительно недавнем коллективном труде «Древняя Греция: от микенских дворцов до века Гомера»: Palaima 2006, 53–71; Killen 2006, 87–99; Carlier 2006, 101–109; Mazarakis Ainian 2006, 181–211; Crielaard 2006, 271–291; Iacovou 2006, 315–331; Schmidt 2006, 439–447. А. Мазаракис Айниан в отдельной монографии рассмотрел тот же переход с точки зрения эволюции архитектуры (Mazarakis Ainian 1997).

¹² Оно оставалось главным практически на всем протяжении античной афинской истории (ср. Jacoby 1944).

¹³ Ее выкладки в чем-то напомнили нам последнюю монографию Т.В. Блаватской на аналогичную тему (Blavatskaia 2003). При всех различиях в обоих случаях мы наблюдаем явное отсутствие необходимой осторожности при рассуждениях о столь сложных и неясных материях.

устоявшуюся хронологию протогеометрической и геометрической расписной керамики (в разработку которой наибольший вклад внес Дж.Н. Колдстрим¹⁴).

Еще один важный тезис Бозн, с которым там тоже очень трудно согласиться, состоит вот в чем. Вопреки *communis opinio*, согласно которому все афинские пожизненные архонты принадлежали к династии Медонтидов, равно как и первые четыре десятилетних архонта (до 713 г. до н.э.), исследовательница утверждает (с. 52–54), что правление Медонтидов прекратилось уже после Акаста, в 1012 г. до н.э. В этом-то, дескать, и заключается смысл постулируемой ею «первой афинской конституции»: правящая династия сошла со сцены, а высший пост в государстве начали занимать представители иных аристократических родов (Алкмеонидов, Филаидов и др.). Медонтиды же сумели вновь вернуться к власти в середине VIII в. до н.э. (когда пожизненные архонты сменились десятилетними), но лишь ненадолго, лет на сорок. Причем в это время они были марионетками в руках могущественного Фидона Аргосского (с. 96). Подчеркнем, что никаких свидетельств источников о таком развитии событий нет, да и датировка деятельности Фидона VIII в. до н.э. крайне проблематична, большинство специалистов относит его к следующему столетию. Оговорим также, что наличие в списке пожизненных архонтов имен, принадлежащих к алкмеонидской или филаидской (а не медонтидской) ономастике, не является еще однозначным свидетельством каких-то перемен у власти; их появление может быть объяснено и иным образом: например, через «ономастическую диффузию» при межродовых брачных союзах¹⁵.

Пятая глава «Афинский кратер железного века» (с. 102–190) имеет сугубо археологический и искусствоведческий характер. Надо полагать, именно она и была бы главной в книге, если бы не смещение интереса автора на гипотезы исторического характера. В главе рассматриваются типология кратеров, их стилистическая хронология (от субмикенских до позднегеометрических стилей, с экскурсами в материал бронзового века), предпринимается попытка атрибуции произведений различным мастерским. Глава особенно богато иллюстрирована. Шестая же глава (с. 191–236), в сущности, представляет собой приложение: каталог ранних кратеров с Керамика, как целых, так и (в основном) фрагментированных.

Чтобы обсуждать сугубо специальные проблемы, связанные с кратерами как артефактами, мы не в достаточной мере компетентны. Да и главная цель рецензии была другой: обозначить появление новой концепции политической истории раннеархаических Афин и указать на ее бросающиеся в глаза слабые места.

Литература / References

- Blavatskaya, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Ellady (XII–VII vv. do n.e.)* [Historical Features of Hellas' Statehood (12th–7th Cent. B.C.)]. Saint Petersburg.
- Блаватская, Т.В. *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб.
- Bohen, V. 1988: *Die geometrischen Pyxiden*. (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen, 13). Berlin–New York.
- Cadoux, T.J. 1948: The Athenian archons from Kreon to Hysichides. *Journal of Hellenic Studies* 68, 70–123.
- Carlier, P. 2006: Ἄναξ и βασιλεύς in the Homeric poems. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 101–109.
- Coldstream, J.N. 2003: *Geometric Greece 900–700 BC*. 2nd ed. London–New York.
- Coulson, W.D.E. 1990: *The Greek Dark Ages: A Review of the Evidence and Suggestions for Future Research*. Athens.
- Crielaard, J.P. 2006: Basileis at sea: elites and external contacts in the Euboean Gulf Region from the end of the Bronze Age to the beginning of the Iron Age. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 271–297.
- Develin, R. 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
- Dickinson, O. 2007: *The Aegean from Bronze Age to Iron Age: Continuity and Change Between the Twelfth and Eighth Centuries BC*. London.
- Drews, R. 1983: *Basileus: The Evidence for Kingship in Geometric Greece*. New Haven–London.
- Habicht, Chr. 2000: Foreign names in Athenian nomenclature. In: S. Hornblower, E. Matthews (eds.), *Greek Personal Names: Their Value as Evidence*. Oxford, 119–127.

¹⁴ Coldstream 2003.

¹⁵ Ср. аналогию: Habicht 2000, 120.

- Iacovou, M. 2006: From the Mycenaean qa-si-re-u to the Cypriote pa-si-le-wo-se: the basileus in the kingdoms of Cyprus. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 315–335.
- Jacoby, F. 1944: Patrios nomos: state burial in Athens and the public cemetery in the Kerameikos. *Journal of Hellenic Studies* 64, 37–66.
- Killen, J.T. 2006: The subjects of the wanax: aspects of Mycenaean social structure. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 87–99.
- Langner, M. 2014: Where should we place the krater? An optimistic reconstruction of the vessel's visibility during the symposion. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function. A Festschrift in Honor of H.A. Shapiro*. Berlin–Boston, 385–398.
- Lissarrague, F. 1990: Around the krater: an aspect of banquet imagery. In: O. Murray (ed.), *Sympotica: A Symposium on the Symposion*. Oxford, 191–209.
- Mazarakis Ainian, A. 1997: *From Rulers' Dwellings to Temples: Architecture, Religion and Society in Early Iron Age Greece (1100–700 B.C.)*. (Studies in Mediterranean Archaeology, 121). Jonsered.
- Mazarakis Ainian, A. 2006: The archaeology of basileis. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 181–211.
- Morgan, C. 2009: The early Iron age. In: K.A. Raaflaub, H. van Wees (eds.), *A Companion to Archaic Greece*. Oxford, 43–63.
- Morris, I. 1987: *Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State*. Cambridge.
- Palaima, T.G. 2006: Wanaks and related power terms in Mycenaean and later Greek. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 53–71.
- Schmidt, M. 2006: Some remarks on the semantics of ἄναξ in Homer. In: S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos (eds.), *Ancient Greece: From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer*. Edinburgh, 439–447.
- Sherk, R.K. 1990: The eponymous officials of Greek cities: I. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 83, 249–288.
- Surikov, I.E. 2006: The evolution of the Athenian archonship as an institution of public law. *Diritto@storia* 5 (URL: <http://www.dirittoestoria.it/5/Memorie/Surikov-Athenian-archonship-public-law.htm>; дата обращения: 16.07.2019).
- Surikov, I.E. 2012: [Archonship in Athens: from the origins of the institution to the loss of its political significance]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 29–54.
Суриков, И.Е. Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им политического значения. *ВДИ* 2, 29–54.
- Surikov, I.E. 2013: [Athens in the eighth and seventh centuries B.C.: emergence of an archaic polis (To the problem of the degree of specificity of the “Attic way”)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 23–43.
Суриков, И.Е. Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта»). *ВДИ* 4, 23–43.

Igor E. Surikov,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,
д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного
изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия